

тивлируемые земли империи в конце VI—VII в. Правда, к неведомому ранее славянам морю они вышли и на юге и на севере уже в конце VI в., но и морским рыболовством и мореходством они занялись лишь несколькими десятилетиями позднее (во второй четверти VII столетия). Горы (а речь может идти только о Карпатах) стали играть какую-то роль в жизни славян в эпоху переселения и только временно. Полагают, что часть славян, переходивших Карпаты или в течение какого-то срока проживавших в их предгорьях, могла обратиться (я полагаю временно) к пастушескому (В. Д. Королюк)², как впоследствии часть их могла так же поступить и в своем многолетнем движении на юг через горный Иллирик (И. Кодер)³. Это вполне вероятно. Советская исследовательница-археолог С. А. Плетнева показала, что в зависимости от резко изменившихся условий жизни полукочевые коллективы, становившиеся на путь оседлости, могли снова вернуться к исключительно кочевому образу жизни (к стадии «нашествия» по ее терминологии⁴). Могли и славяне, приспособившись к обстоятельствам, переносить центр тяжести своих занятий с одного их вида на другой, более рентабельный. Но в любом случае ни пастушество, ни кочевое скотоводство не становились, как кажется, никогда основным родом деятельности массы славянства. Первое невозможно без налаженного торгового обмена с земледельческим населением, без длительного опыта освоения альпийских лугов и протяженных сезонных трасс перегона скота (из долин в горы и из гор в долины), второе немыслимо вне обширных, а именно южночерноморских или прикаспийских, степей, где следы славян, однако, не зафиксированы ни в VI, ни в IX в. и где в эту пору хозяйничали подлинно кочевые народы (иранские, гуннские, тюркские племена: авары, протоболгары, узы, печенеги и др.).

Однако все это лишь общие соображения. Обратимся к источникам VI—VII вв., напомним хотя бы кратко важнейшие на этот счет свидетельства. Маврикий в своем «Стратегиконе» говорит о копнах проса и запасах продовольствия, которыми располагали славяне левобережья Нижнего Дуная на рубеже VI—VII вв. и которые полководец рекомендовал вывозить в качестве добычи из земли славян с помощью судов и вьючных животных⁵. В расчете на эти запасы Маврикий осенью 602 г. повелел воинам дунайского рубежа зимовать в земле славян, снабжая себя продовольствием за их счет, чем и вызвал известное восстание, приведшее к свержению и гибели императора и к падению северного, дунайского лимеса империи⁶. Всем хорошо известны также данные «Чудес св. Димитрия» о том, что жители Фессалоники в 678 г. закупили у велегезитов Фессалии зерно, бобовые и сушеные фрукты⁷.

Трудно допустить, что славяне, если бы они были кочевниками, едва поселившись несколько десятилетий назад на землях империи, сумели столь быстро освоить — только под влиянием автохтонов — их агрикультуру и в 70-х годах VII в. смогли производить значительный излишек сельскохозяйственных продуктов, обращаемый на продажу. Оседание кочевников на землю и переход их к земледелию — чрезвычайно длитель-

² Королюк В. Д. Пастушество у славян в первом тысячелетии нашей эры и перемещение их в Подунавье и на Балканы: Славяне и волохи: (Попытка реконструкции по письменным источникам) // Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978. С. 177—198.

³ Koder J. Zur Frage der slawischen Siedlungsgebiete im Mittelalterlichen Griechenland // BZ. 1978. Bd. 71 (2). S. 315—331.

⁴ Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 14 и след., 35 и след.

⁵ Гръцки извори за българската история. С., 1958. Т. 2. С. 281—282, 286. (Далее: ГИБИ).

⁶ Там же. С. 355 (Феофилакт Симокатта).

⁷ Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius. P., 1979. Vol. 1: Le texte. P. 214.9—13, 218.1—2, 254, 268.